

— Альянс всё это время кормил нас чудовищной ложью.

Чжун Цин сидел напротив Янь Цзи.

Маршал был прикован к тяжелому стальному стулу — одному из тех, что предназначались для допросов особо опасных преступников. Оковы на подлокотниках и ножках намертво фиксировали конечности, не давая узнику даже дернуться, когда боль от пыток становилась невыносимой.

Однако Янь Цзи держался на удивление непринужденно, словно сидел не в камере, а в уютном кресле в собственной гостиной.

Чжун Цин продолжал, чеканя слова:

— Омега веками убеждали, будто только феромоны Альфа способны помочь им пережить течку. Но это наглая ложь.

— Само понятие «течка» означает лишь период обостренного инстинкта размножения, когда организм физиологически готов к оплодотворению и вынашиванию. Это цитата из официального словаря Альянса — и в ней нет ни единого упоминания о феромонах. Запахи никогда не могли унять ни телесную жажду, ни душевное смятение Омegi. Единственное, что действительно помогает им в этот период, — сам акт соития.

— Феромоны — это всего лишь информация. Инструмент для того, чтобы метить территорию или запугивать сородичей, — Чжун Цин посмотрел на Янь Цзи с тонкой, едва уловимой улыбкой. — Совсем как у псов, которые метят столбы.

— Те, кто когда-то стоял у истоков плана геной инженерии, в большинстве своем были Бетами. Они лучше всех понимали пороки искусственного редактирования генома и, разумеется, не собирались загонять в эту ловушку самих себя. Альфы и Омegi изначально были лишь расходным материалом, жертвенными агнцами этого проекта. Но кукловоды оказались дьявольски умны.

— Они подцепили Альфа на крючок военной власти, заставив их с готовностью проливать кровь за чужие интересы. Омега же низвели до статуса «третьего пола», отдав их в полное распоряжение Альфам для унижений и гнета. Те, кто по своей природе должны были стать естественными союзниками, превратились в заклятых врагов. Со стороны это кажется хрупким равновесием трех сил, но на деле — это безраздельное господство одной касты.

— Не находите этот почерк знакомым? Семья Ланкастер и Янь — лишь два великих дома, которым они позволили возвыситься. Позволили лишь для того, чтобы в один прекрасный день

сравнить их друг с другом и забрать всю добычу себе.

Янь Цзи слушал его молча, не сводя пристального взгляда.

— Сиди на моем месте настоящий Альфа, он бы наверняка задался вопросом: откуда простому Омеге известно так много? Но вы ведь не Альфа, господин маршал, — Чжун Цин склонил голову набок. — Так о чем же вы думаете на самом деле?

— Я думаю, — наконец заговорил Янь Цзи, и голос его звучал ровно, — что если бы вы сказали мне всё это раньше, я бы помог вам без малейших колебаний, профессор Чжун.

Чжун Цин равнодушно усмехнулся.

Он не верил в эти «без малейших колебаний». Услышь эти слова любой другой Альфа или Бета в Альянсе — и Чжун Цина немедленно отправили бы под трибунал.

Впрочем, разговор он затеял лишь потому, что тишина в камере стала слишком тягостной.

Сейчас он искренне жалел, что так опрометчиво израсходовал все возможности для выхода из роли. Теперь ему оставалось только сидеть здесь, сверля Янь Цзи взглядом, и бессильно ждать.

Система всё еще пыталась вымолить пощаду у Распределителя, но, судя по долгому молчанию, успехов не достигла.

«Что ж, придется полагаться только на себя».

— Биороботы действительно могут умереть? — внезапно спросил Чжун Цин.

— На языке людей это называется «утилизацией».

— В таком случае, если слить ваш чип с чипом Андре, объединив ваши воспоминания в одно целое... это будет считаться уничтожением или перерождением?

Янь Цзи не стал отрицать возможность такого исхода. Он лишь коротко бросил:

— Я не согласен.

— Я не спрашиваю вашего согласия, — мягко отозвался Чжун Цин. — Я лишь интересуюсь технической стороной вопроса.

— В теле Андре паразитирует Королева. Я уже пообещал ей контроль над этой оболочкой. Она — четырехмерное существо, и ни вы, ни Андре ничего не сможете ей противопоставить.

Янь Цзи тяжело вздохнул:

— Значит, это всё-таки Андре подослал тебя.

— «Всё-таки»?

Янь Цзи коснулся пальцами виска:

— После того как Шон Росмонд открыл мне правду, я начал смутно ощущать присутствие второй половины чипа. А совсем недавно я почувствовал... яростную жажду убийства.

В сознании Чжун Цина вновь, словно дурное пророчество, всплыли те четыре слова:

«Бесчувственный, но полный ненависти».

Он никогда не верил, что на Пути бесстрастия может зародиться истинная любовь, но теперь был вынужден признать: ненависть там, по крайней мере, была самой настоящей.

— А-Цин...

— Чжун Цин.

— Хорошо, Чжун Цин.

Янь Цзи горько улыбнулся.

— Подкуп инсектоидов, захват военного ведомства, провокация правительства, слияние седьмого поколения... Ты обвел вокруг пальца всю галактику. Чего же ты на самом деле добиваешься?

Чжун Цин смотрел на него, храня на губах загадочную улыбку.

Янь Цзи не стал настаивать на ответе.

— Действуй. Я не буду сопротивляться.

Чжун Цин покачал головой:

— Я не могу убить тебя.

— Почему?

— Я люблю тебя.

Ответ сорвался с губ Чжун Цина мгновенно — так быстро, будто это была чистая правда.

Янь Цзи на мгновение замер в оцепенении, затем опустил голову, и в уголках его губ промелькнула слабая, печальная тень улыбки.

— Я всегда знал, что с моим телом что-то не так. Но мне и в голову не приходило, что я — андроид. Я списывал всё на психическое расстройство. Ассистент Чжун, хотите знать, когда я это понял?

— Это как-то связано со мной?

— Да, — голос Янь Цзи зазвучал глухо, словно он проваливался в зыбучие пески воспоминаний. — Когда вы впервые мне улыбнулись... я впервые в жизни почувствовал нечто похожее на радость.

Он издал короткий, сухой смешок.

— Должно быть, именно тогда Росмонд и заметил неладное.

— А сейчас? — тихо спросил Чжун Цин. — Сейчас вы счастливы?

— Я очень счастлив.

Чжун Цин поднялся и медленно подошел к Янь Цзи, глядя на него сверху вниз.

— В ином пространстве и времени мы были настоящими супругами. Во время свадебной клятвы вы обещали подарить мне целую планету.

— Что ж, это был прекрасный сон.

Чжун Цин едва заметно улыбнулся, разомкнул оковы на запястьях маршала и протянул ему руку.

— В таком случае, маршал Янь Цзи, признаете ли вы обет, данный вами в другом мире?

Янь Цзи заворожено смотрел на тонкие пальцы перед собой. Затем он лихорадочно вытянул из-под воротника цепочку и сорвал с нее кольцо.

Он сжал в своей руке эту ладонь, белую и гладкую, как драгоценный нефрит, надел кольцо на палец Чжун Цина и запечатлел на нем невесомый поцелуй.

— Признаю.

— Спасибо. Я уже решил, какая планета мне нужна.

Чжун Цин склонил голову и лукаво прищурился.

— Я хочу Землю.

После долгого, пронзительного молчания Янь Цзи произнес:

— Я всё еще не понимаю... — в глубине его глаз вспыхнул яркий, торжествующий огонек. — Но я обещаю тебе это.

Он протянул руку и закрыл глаза Чжун Цина ладонью.

— А-Цин, закрой глаза.

Чжун Цин лишь на мгновение поджал губы, но спорить не стал.

«Ладно, потерплю».

Он послушно зажмурился.

Янь Цзи взял его за плечи, осторожно развернул спиной к себе и отпустил.

В наступившей темноте слух обострился до предела.

Чжун Цин слышал звук падающих капель. Сначала редких и звонких, но ритм их стремительно ускорялся, пока они не слились в глухой, вязкий шум.

Вскоре в его ладонь вложили некий предмет — плоский и еще сохранивший тепло чужого тела.

Кто-то мягко подтолкнул его в спину:

— Иди, А-Цин. И не оборачивайся.

Чжун Цин, повинувшись, сделал первый шаг, затем другой, медленно удаляясь к выходу.

Когда тяжелое, прерывистое дыхание за его спиной окончательно стихло, он всё же обернулся.

Янь Цзи сидел, откинувшись на спинку стула с закрытыми глазами. Его одежда была в полном порядке, а лицо казалось безмятежным, словно он просто погрузился в глубокий сон.

Но огромное зеркало позади него безжалостно являло иную картину. Спина маршала была превращена в кровавое месиво: страшная рана тянулась от затылка до самого позвоночника. Кровь густыми струями стекала по ножкам стула, собираясь на полу в расширяющуюся багровую лужу.

Его руки были по локоть в крови, а пальцы всё еще судорожно сжимали рукоять кинжала.

[Ой? — воскликнула Система. — Откуда здесь этот нож? Не тот ли самый, который я велела тебе спрятать под подушкой, чтобы прикончить Янь Цзи в первую брачную ночь?]

«Тот самый», — мысленно отозвался Чжун Цин.

[Ну вот! — самодовольно заявила Система. — Я же говорила, что надо меня слушать. Видишь, как всё обернулось: он всё равно погиб от этого клинка.]

Чжун Цин промолчал.

Он крепче сжал в руке чистую, мерцающую сапфировым светом пластину чипа и холодно бросил подоспевшему вице-маршалу:

— Позаботьтесь о нем.

Помедлив секунду, он добавил:

— Тело отправьте Росмондам.

Перед Чжун Цином лежали два зашифрованных документа.

Первый — указ о награждении от Парламента. За исполнение смертного приговора Чжун Цину жаловали Рыцарский орден.

Труп Янь Цзи стал лучшим доказательством его лояльности, и правительство наконец решило проявить щедрость.

Парламент и Военное ведомство всегда старались сохранять видимость разделения полномочий, но этот указ, изданный в обход военных чинов, означал лишь одно: маски сброшены, и политическая верхушка готова к открытому противостоянию.

Впрочем, к этому всё и шло.

Андре превратился в чудовище, Янь Цзи мертв — два столпа, на которых держались величайшие дома Альф, рухнули в одночасье.

Старики в Сенате, эти напыщенные Беты, и в страшном сне не могли представить, что всё это — лишь шахматная партия, разыгранная «жалким Омегой». Они лишь потирали руки, радуясь неожиданной удаче, и спешили вцепиться в этот шанс мертвой хваткой.

Номанцы капитулировали, и Альфы-солдаты стали для правительства обузой, от которой нужно было избавиться.

Чжун Цину даже не нужно было засылать шпионов, чтобы понять: Росмонды сейчас лихорадочно стравливают остатки армейских подразделений, заставляя их грызть друг другу глотки.

Это была их излюбленная тактика. Если выкосить всех Альф внутри Альянса в междоусобных стычках, то даже возвращение легионов из дальнего космоса не сможет спасти их касту от окончательного краха.

Чжун Цин с презрительной усмешкой отложил указ и взял второй документ.

Это был проект нового закона Альянса, только что прошедший через палаты.

Орден был наградой за верность, а этот закон — выкупом.

В теле, отправленном Росмондам, не оказалось чипа, и в Парламенте это расценили как тонкий намек на шантаж.

Стремясь задобрить Чжун Цина и обеспечить себе полную победу в этой игре, они решили привлечь на свою сторону тех, кто веками оставался в тени — жен своих врагов.

Средства массовой информации внезапно «прозрели» и начали всюду трубить о многолетнем гнете Альф над Омегами, примеряя на себя мантии освободителей.

Методы были топорными и грязными, но в этом хаосе свобода Омег действительно достигла небывалых высот. Им разрешили свободно выходить на улицы, устраиваться на работу и даже проводить митинги.

В тексте нового закона, впервые в истории, помимо семейного кодекса, появились статьи, касающиеся прав Омег:

[Омеги имеют право на создание собственных образовательных учреждений.]

[Омеги наделяются активным и пассивным избирательным правом.]

Чжун Цин долго всматривался в эти строки, и в голове его билась лишь одна мысль: «Мало. Этого бесконечно мало».

Спустя несколько дней Чжун Цин вновь призвал Королеву инсектоидов. Представ перед Андре, он медленно открыл небольшую деревянную шкатулку.

В другом мире у него была точно такая же коробочка. В ней хранился прах Янь Цзи, который он прятал под подушкой.

Электронный кардиостимулятор поддерживал жизнь в искусственных органах, а чип обеспечивал логику и алгоритмы. Первое служило лишь для имитации человека, второе же было истинным сердцем андроида.

Если биоробот умирал, чип оставался его единственным подлинным прахом.

И именно такой чип лежал сейчас в шкатулке.

При виде нежно-голубого кристалла у Андре на мгновение потемнело в глазах.

В груди шевельнулось тяжелое, горькое чувство. Он не знал, было ли это сочувствием к собрату по несчастью или чем-то иным.

Голос его едва заметно дрогнул:

— А у тебя и впрямь рука не дрогнула.

— Сначала дрогнула, — отозвался Чжун Цин. — Поэтому перед тем, как войти к нему, я раз за разом повторял себе одну истину...

— «Чужая кровь — чужая душа».

Андре перевел взгляд с кристалла на Чжун Цина:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Перезагрузи армию роботов на Земле, — ответил Чжун Цин. — Я хочу, чтобы они забыли тот приказ.

— Не проще ли запустить программу самоуничтожения? Это надежнее. Ты не можешь гарантировать, что они не получат новый, похожий приказ.

Чжун Цин поднялся и подошел к окну.

Промышленность на планете Номан была развита слабо, поэтому природа здесь сохранилась почти в первозданном виде. Но после войны от этой красоты остались лишь пепелища.

— Когда человечество было вынуждено покинуть Землю, оно должно было усвоить главный урок: нужно уметь обуздывать свои желания. Если люди, вернувшись домой, так и не научились этому, то спасать их нет смысла.

— Ты, кажется, веришь, что люди и машины смогут ужиться?

— Они обязаны ужиться, — отрезал Чжун Цин. — Любую проблему можно решить, если есть воля. Нет врожденных врагов, есть лишь неумение превращать их в друзей.

Андре помолчал, обдумывая его слова.

— Перезапись программы — колоссальный труд. Мне потребуется уйти в глубокую спячку.

— Я защищу вас, — пообещал Чжун Цин.

Андре пристально посмотрел на него и вдруг резким движением притянул к себе.

Он не пытался сделать ничего лишнего — просто уткнулся лицом в изгиб шеи Чжун Цина и тяжело, надрывно вздохнул.

Чжун Цин чувствовал, как бешено колотится сердце в груди маршала, словно удары молота.

— Кажется, вы мне не верите, — тихо усмехнулся он.

— А должен? — в вопросе Андре не было иронии, лишь искреннее, почти детское недоумение.

— Ты наговорил мне столько всего... Я уже не знаю, где в твоих словах правда.

— Кодовое имя Янь Цзи — Ной. Ваше — Цзинвэй. Я сам их выбрал, — внезапно сменил тему Чжун Цин. — Хотите знать почему?

— Почему?

Чжун Цин мягко коснулся ладонью его затылка и прошептал:

— Когда вы проснетесь... я обязательно вам расскажу.

<http://bllate.org/book/16114/1587204>